

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИДИОСТИЛЬ Я. В. АБРАМОВА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ КАК ИДЕНТИФИКАТОР «СЛОЖНОЙ ЭСТЕТИКИ» ПИСАТЕЛЯ

В. М. Головко

J. V. ABRAMOV'S IDIOSTYLE: ARTISTIC
SYNTHESIS AS IDENTIFIER OF
WRITERS' "COMPLEX AESTHETICS"

Golovko V.M.

J. V. Abramov's "Complex Aesthetics" is caused by the realization in his works of the 1880s the researching approach to the depiction of the social medium being in "transition condition" and characterized by alienation from moral and humanistic values. Turning to the fact, source, concrete observations and statistic data in the process of artistic analysis of the public life activated genre-type and genre-form correlations, which determined the experimental character of the author who belonged to the sociological trend of the Russian classical realism of the 19th century.

Key words: idiostyle, artistic synthesis, sketch character, Romanization, journalistic character, genre-forming processes, experimental poetics.

«Сложная эстетика» Я. В. Абрамова обусловлена реализацией в творчестве 1880-х годов исследовательского подхода к изображению социума, находящегося в «переходном состоянии» и характеризующегося отчуждением от нравственных и гуманистических ценностей. Обращение к факту, источнику, к конкретным наблюдениям и статистическим данным в процессе художественного анализа народной жизни трансформировало поэтику литературных жанров, активизировало жанрово-родовые и жанрово-видовые взаимодействия.

Ключевые слова: идиостиль, художественный синтез, очерковость, романизация, публицистичность, жанрообразовательные процессы, экспериментальная поэтика.

УДК 82.091

Феномен Я. В. Абрамова (1858–1906) является предметом, в равной мере привлекательным для исследований в области локальной и общенациональной гражданской истории и культуры. Результативность форм самоактуализации его личности была обусловлена органической взаимосвязью знания реальной повседневности, особенностей народного быта, того конкретного знания, которое складывалось в результате наблюдений над жизнью южно-русского региона, и способностью видеть в конкретных фактах проявление закономерностей развития общества, предрасположенностью к аналитизму и широким обобщениям.

Идеи мирного, постепенного прогресса России и «работы в народе» Я. В. Абрамова оказали огромное влияние на общественное самосознание второй половины 1880–1890-х годов, вызвали широкий резонанс в среде демократической интеллигенции, нашли яркое отражение в русской литературе последних десятилетий XIX века («Дом с мезонином», «Моя жизнь» А. П. Чехова, романы, повести и рассказы Д. Л. Мордовцева, А. Лугового, А. И. Эртеля, М. Н. Альбова, О. А. Шапир, А. К. Шеллера-Милаилова и мн. др.) Я. В. Абрамова, «властителя дум» целого поколения, современники отождествили с деятелями либерального народничества, с защитниками теории «малых дел», чем и вызвано долгое забвение имени этого талантливого писателя, публициста, социолога, журналиста, про-

светителя и его вдохновенных трудов на благо России.

Объективность в изучении творческой индивидуальности Я. В. Абрамова как писателя достигается при условии признания самодостаточности эстетической системы, созданной прозаиками и поэтами того течения, которое в работах по типологии классического реализма определяется терминами «социологическое», «просветительно-рационалистическое», «просветительно-демократическое».

Активное просветительство – как мировоззренческая доминанта и творческая установка писателей-демократов – обусловило ведущую роль идей («мысли») в их публицистических и художественных произведениях. Г. В. Плеханов в своё время не без оснований писал о том, что творческие создания таких авторов «надо изучать как статистику», поскольку «взяться за перо» писателей, близких к народническому движению, «заставляло желание выяснить себе и другим те или другие стороны... общественных отношений» (14, т. 10, с. 15).

Идиостиль Я. В. Абрамова характеризуется гармонизацией «образов» и «толкований», ему как художнику удалось избежать «риторичности» (термин В. Г. Белинского. – В. Г.) и тенденциозности в изображении «картин народной жизни». В его художественном творчестве проявляются основные типологические черты писателей такого типа, как Г. Годвин, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. Я. Брюсов и др., для творческого процесса которых характерно особое соотношение вымысла и интеллектуальной тенденции: «фантазия» у них «является на втором месте, а ум – на первом» (12, т. 8, с. 374). «Невыдуманность», достоверность, документальность художественных картин Я. В. Абрамова обусловлены тем, что в литературном творчестве писателя открыто выражена установка на «правду факта», а сюжетная стратегия в каждом из произведений мотивируется реальными жизненными событиями и процессами.

Эстетика «социального реализма» не противостояла, а, напротив, способствовала развитию стилевой системы Абрамова-

писателя. Процесс социологизации литературы, в контексте которого складывалась индивидуальная художественная манера Я. В. Абрамова, преломился в его творчестве своеобразно: формирование социологической поэтики было обусловлено исследовательским подходом к освещению последствий «переворота» во всех сферах жизни, прежде всего в крестьянском мире.

Круг проблем художественных произведений Я. В. Абрамова был весьма широк: в них нашла отражение установка молодого писателя и журналиста на анализ «переворотившегося» общественного быта, глубинных процессов, резко изменивших судьбы не только отдельных людей, но и целых социальных слоёв и групп. Он обратился к почти научному, художественно-социологическому анализу «итогах» первых пореформенных десятилетий, обнажая конфликты времени, очевидные процессы разрушения старых патриархальных норм общественного быта и нравственности («Бабушка-генеральша», «В степи»), показывая расслоение в деревне, формирование «типа деревенского кулака» («коммерсанта»), обнищание «обираемых мужиков» и городской бедноты, «разорение и закабаление населения» (1, с. 159) («В степи», «Как мелентьевцы искали воли», «Корова»), усиление власти денег, капитала, появление «культы золотого тельца» (4, с. 37) и утрату «чистой совести», «гуманных привычек» («В степи», «Неожиданная встреча», «Ищущий правды»), появление первых симптомов сознательного протеста, пробуждения чувства личности («Мещанский мыслитель», «Ищущий правды», «В степи», «Механик» и др.). Одновременно он указывал на трагичность положения, трудную судьбу протестанта («Неожиданная встреча», «В степи», «Ищущий правды», «Мещанский мыслитель»), акцентируя внимание на глубоком непонимании «обществом», «миром» смысла деятельности «народных заступников», выдвигавшихся из той же самой, народной среды («В степи»). Я. В. Абрамов видел и показывал разложение общины, «сельского общества» (3, с. 114) («В степи»), выявлял причины вынужденной миграции крестьян, быв-

ших крепостных, описывал условия их труда, нередко опасного для жизни («Неожиданная встреча»). В появлении различных сект – «духоборцев», «шалапутов», «штундов», «скопцов» («В степи», «Ищущий правды», «Секта шалапутов», «Среди сектантов», «К вопросу о веротерпимости») – писатель усматривал закономерный итог поисков более совершенных, чем крестьянская община, форм самоорганизации народной жизни.

Художественные обобщения Я. В. Абрамова затрагивали устои государственности, и, проследив судьбу одного лишь героя, например, Афанасия Ивановича Лопухина – крестьянина из деревни Шалашной в рассказе «Ищущий правды», он мог обнажить основы существования общества, показать скрытые причины, порождающие социальную несправедливость, суть репрессивной юридической системы, разложение старого «строя», крестьянского «мира», не оставляя при этом никакого места народническим иллюзиям.

Рассматривая поэтику произведений писателя, следует отметить, что все они созданы на очерковой основе. Жанровая проблематика повести, рассказа, очерка в художественной прозе Я. В. Абрамова взаимно нагружается содержанием этих и других жанров в процессе освоения нового жизненного материала. «Архаика» (10, с. 142) традиционных видов эпической прозы всякий раз сохраняется, служит основой для эстетических экспериментов и новаций. Не менее значимы взаимодействия на уровне системы повествования (например, реализация новеллистического задания в нарративе рассказа «Ищущий правды»), циклизация очерков, формирующая единый текст по художественным законам повести («В степи»), явления художественной синестезии – соощущения жанров разных искусств и т. д. Писатель создает синтетические формы, в которых эстетически активными являются такие жанрообразующие средства, как публицистичность, документализм («правда жизни»), детализировка, статистические данные, наличие подробностей, некоторые доминантные формы художественного изображе-

ния (портрет, «биография», субъектная сфера автора-повествователя, персональная повествовательная ситуация и т. д.).

В творчестве Я. В. Абрамова нашли отражение существенные закономерности литературного процесса последних десятилетий XIX века, характеризующиеся вытеснением романа (и вообще крупных эпических форм) рассказом и очерком. Ведущими в это время становятся жанры «малой прозы» и повесть. Очерковость – это важнейшее свойство стиля Абрамова-художника. Оно проявлялось в сюжетно-композиционных особенностях его произведений, в специфике образа автора, в типе героя, в системе повествования и способах типизации. Социологическая поэтика писателя как воплощение его эстетических принципов складывалась в результате синтеза традиций «физиологизма» очерков «натуральной школы» и художественно-публицистических, художественно-аналитических форм произведений очеркового жанра тех авторов, которые составляли его (как и его героев) круг чтения (Н. Г. Помяловский, В. А. Слепцов, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, Н. В. и Г. И. Успенские и др.).

Функциональность очерковой традиции структурно подчеркивается Я. В. Абрамовым: повесть «В степи» построена как цепь очерков, создаваемая портретами собирательных социальных типов – сельских «миродов» («I. Господа коммерсанты»), сезонных рабочих-чабанов («II. Овечья часть»), очерком капитализации деревни («III. Деревня»), «физиологическими очерками» новых типов – правдоискателя, превращающегося в типичного «кулака-мироода» («IV. Спиридон Семёныч») и правдоискателя, «народного заступника» («V. Иван Отченаш»). «Бабушка-генеральша», «Корова» самим автором определяются как «очерки» социальных типов патриархальной или мещанской среды (7, с. 154; 9, с. 41). Очеркового типа «эпизоды», «кадры» создают целостный сюжет романизованного рассказа «Ищущий правды». Развернутые очерки-портреты, очерки-характеристики героев в рассказах «Механик», «Гамлеты – пара на

грош», «Мещанский мыслитель», «Среди сектантов» указывают на жанровый генезис этих произведений, на их неразрывную связь с очерковой традицией. Поэтика «очерков», составляющих повесть «В степи», восходит к структуре «физиологий», традиции которых сохранили свою значимость в литературе «социального реализма» 1860–1870-х годов («Первый возраст в мещанстве» М. П. Федорова, «Ставленник» Ф. М. Решетникова, «Два раза замужем» Ф. С. Стулли, «Деревенские мироеды» А. А. Потехина и др.). Писатель часто использует в целях аналитического освещения состояния производства, хозяйства, материального быта его героев экономические выкладки, цифровые подсчёты, статистические данные.

Говоря об актуализации Я. В. Абрамовым традиций поэтики «физиологического очерка», «очерка-портрета», об ориентации на опыт писателей «натуральной школы» и беллетристов-демократов 1860–1870-х годов, следует подчеркнуть, что в его повестях и очерках-рассказах «локализация», как и эстетическая нагруженность образа обстоятельств, связаны с решением иных, по сравнению с «натуральной школой» и демократической беллетристикой шестидесятников, художественных задач: речь идет о принципиально иной природе пафоса произведений Я. В. Абрамова и его предшественников. Если для авторов «физиологии» приоритетной была идея детерминизма, утверждение власти «среды» над человеком (по этой причине герои писателей-очеркистов «натуральной школы» были «духовными отпечатками среды»), а для писателей-демократов (Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, А. И. Левитова, Н. В. Успенского и др.) – мысль о классовой дифференциации пореформенного общества, то для Я. В. Абрамова весь смысл изображения человека в его функциональных связях со средой был сосредоточен на объяснении причин, которые обусловили «новый порядок», процессы разложения прежних устоев; на исследовании социальных законов, трансформирующих общественные и моральные нормы, санкционирующие обнищание и закабаление

народа, а также факторов, вызывающих появление новых типов, характеров, отражающих «подъём чувства личности».

Так, «физиологизм» первого «очерка» «Господа коммерсанты» («В степи») связан прежде всего с исследованием того, как и почему бывшие «мужики» превращаются во «владельцев князей» и устанавливают нечто подобное «крепостной зависимости» (1, с. 146). Одновременно автором изучается и природа такого общественного явления, весьма характерного для «грабителей» периода «накопления», которое М. Е. Салтыков-Щедрин маркирует формулами «отдай» и «пропала совесть». В рассказе-очерке с новеллистическим заданием «Бабушка-генеральша» такое исследование образует «смысловое целое», а в повести на очерковой основе («В степи») это становится предметом изображения в «экспозиционной» части, определяет логику развития сюжета, типизирующего процессы всеобщего «переворота».

Очерковая основа повести определяет доминантные принципы поэтики: выводы автора делаются на основании «фактов», фиксируемых «сценами», «картинами», «эпизодами». Энергия сюжетного действия в этих произведениях заключена не в интриге, не в коллизии, а в исследовательской стратегии автора, реализуемой в парадигме жанров «малой прозы», являющейся основой художественного синтеза. Повесть «В степи» – классический образец обновления жанра: «очерки» создают ряд однонаправленных, но разнокачественных художественных ситуаций, усиливая возможности аналитизма реалистической повести за счёт трансформации жанровой топологии сюжетно-композиционных структур. В результате структурообразующую функцию выполняет авторская интенция, аналитическая мысль, постигающая закономерности общественного развития, а новый порядок типизируется за счёт освещения действительности «с одной стороны», но «в целом».

Изображение самодвижения жизни по законам «среднего жанра» оберегало повесть Я. В. Абрамова от бытописательства и распада на «очерки». В процессе освое-

ния новых средств жанрообразования произведение вступало в своеобразную «полемику» с традиционным очерковым жанром, используя одновременно его традиции. Выражалось это в том, что Я. В. Абрамов совмещал характерные для очерка «сюжет-историю» и «сюжет-идею», автобиографическую документальность (повествователь Яков Васильевич в повести «В степи» и в рассказе «Механик», например, из реального биографического автора превращается в эстетическую реальность художественного мира этих произведений) и вымысел, а в самих «очерках» интегрировал стилевые доминанты разновидностей жанра (очерка-портрета, очерка нравов, проблемного очерка, «путевого» очерка и т. д.), очерка и рассказа («Корова», «Мещанский мыслитель», «Механик»), очерка и новеллы («Ищущий правды», «Бабушка-генеральша») и т. д.

Социологический анализ как специфическое свойство стиля Я. В. Абрамова активизировал процессы романизации его «малой прозы». Жанровое «событие» крупной эпической формы ещё В. Г. Белинским связывалось с «поэтическим представлением человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни» (12, т. 9, с. 149). Но именно такие романские функции в творчестве писателя берут на себя другие эпические жанры – повесть («В степи»), рассказ («Мещанский мыслитель», «Гамлеты – пара на грош», «Механик», «Ищущий правды»), рассказ-очерк («Бабушка-генеральша», «Полместа», «Корова») и даже «сценки» и «эпизоды» («Неожиданная встреча», «Как мелентьевцы искали воли»). Тенденция к романизации усиливалась тем, что в произведениях Я. В. Абрамова актуализировалась проблема личности, являющаяся важнейшим фактором формирования романной структуры. Идея личности как обуславливающий фактор романа приводит к единству жанровую поэтику этих произведений. Изображение пробуждения самосознания личности принципиально меняет систему «способов видения и понимания действительности» (11, с. 180) традиционного рассказа. В «Ищущем правды», например, отчетливо выражена тенденция к

дифференциации «микросреды», поскольку вводятся в сюжетное действие персонажи разного типа сознания (Афанасий Лопухин именно по этому принципу противопоставляется «общинникам», другим странникам, идущим в «святой город»); намечена «зона контакта» с незавершённой, находящейся в процессе становления, «неготовой современностью» (М. М. Бахтин), маркируемой концептом «новый порядок»; представлен характер главного героя как незавершённый, а сам герой как неадекватный своей судьбе (реализация идеала самопожертвования Афанасия Лопухина в формах фанатичного исполнения догматов секты «скопцов» далеко не соответствует его возможностям служения «правде»).

Этими особенностями произведения, сюжет которого имеет очерковую основу, объясняется новеллистический принцип повествования, обеспечивающий сжатость, концентрированность всего художественного материала: он подчинен задаче выявления сущности типа «правдоискателя». Острота в сюжете достигается за счёт уплотнения повествования: панорамное изображение пореформенной действительности сочетается с конкретностью «фактов» индивидуального бытия героя, странствующего по Руси, а внешняя обыденность существования – с «исключительностью» внутренней жизни Афанасия Лопухина, освобождающегося от иллюзорных представлений об общине как «мире справедливости и равенства», от наивной веры в возможность найти «людей, которые жили бы по правде, по совести, по-божески» (4, с. 37, 57). В новеллистике человек чаще всего изображается в статичном состоянии, а в романизованном рассказе «Ищущий правды», с его ярко выраженным новеллистическим заданием, освещается эволюция, «движение» души героя. Поэтика названия этого произведения определена задачами изображения духовно-нравственных исканий героя, динамичности его внутреннего мира.

Итак, исследовательский подход к изображаемому трансформировал поэтику литературных жанров: обращение к факту, к

источнику, к конкретным наблюдениям, к статистическим данным и т. д. вызывало перестройку системы художественного обобщения, активизировало жанрообразовательные процессы на уровне родовых, видовых и жанровых взаимодействий. Подобная эстетическая установка определила переплетение образно-творческого и публицистического начал в художественной прозе Я. В. Абрамова.

Публицистичность как свойство и качество идиостиля писателя связана, в первую очередь, с эстетической реализацией функциональной роли «мысли» в его произведениях. Публицистические формы самовыражения автора-повествователя как одного из героев этих произведений, стимулирующие сюжетное развитие или резюмирующие данные художественного анализа, являются характерной особенностью экспериментальной поэтики Я. В. Абрамова. Традиционные способы художественного обобщения осложнялись в его произведениях данными социологической типизации. Такой стиль не может быть нейтральным: эмоциональная выразительность, субъективность, логика в аргументациях – всё это неотъемлемые, типологические свойства саморефлексии писателя, специфические формы выражения авторской позиции. Публицистическое начало в беллетристике Я. В. Абрамова как художника-социолога вызвано актуализацией общественных, политических, экономических, правовых и нравственных проблем «переходного периода» русской жизни, особенно болезненно проявлявшихся в социальном бытии народа. Эмоциональная выразительность и достоверность художественных аргументаций достигались разными средствами. Широко и многообразно использует писатель конструктивные возможности бинарных оппозиций, которые могут быть как структурообразующими, так и локальными по своему характеру. Антитеза позволяла выявить суть социальных противоречий через сопоставление явлений, когда одно раскрывается через другое. На таком принципе построен весь очерк «Бабушка-генеральша»: открывающий повествование очерк-портрет ка-

зачки Степаниды, персонифицирующей «прежний строй жизни», – это образный тезис; очерк-портрет кулака Хопра, завершающий произведение, это – образный антитезис, интегрирующий смысл всего того, что несет с собой разрушение патриархальной нравственности, жизни «по совести», «по-божески». Взаимодействие полюсов персонажной системы создает напряженность сюжета и остроту основной коллизии. Оппозиция «старины» и «нонешних времен» – способ характеристики процесса «разложения», мира перевернутых понятий и ценностей, ею мотивируется авторский комментарий, разъясняющий суть и причины такого процесса.

Конкретизацией принципа оппозиций, обеспечивающего эмоциональную выразительность в освещении злободневных проблем настоящего, являются отношения автора с хронотопом. Оппозиция «тогда – теперь» превращается в системе внешне изоморфного реальному времени-пространству практически всех произведений Я. В. Абрамова в художественно-публицистический принцип объективации социологической концепции писателя, то есть в эстетически совершенную внесубъектную форму выражения авторской позиции. Она фиксируется повествователем в публицистических отступлениях и в сюжетных коллизиях (например, в столкновении носителей патриархальной морали с «рыцарями наживы» и мироедами в «Бабушке-генеральше» или в повести «В степи», даже с «новым порядком» в целом, как это имеет место в рассказе «Ищущий правды»). Объективность авторской оценки в сфере оппозиции «тогда – теперь» создаётся за счёт совмещения точек зрения многих субъектов сознания, которые остаются в компетенции первичного субъекта речи, поэтому противопоставление «старины» («допреж куды лучше было!») новым временам («совсем не то теперь») (7, с. 518; 4, с. 40) становилось выразительным средством создания художественно-публицистического стиля, соответствующего задачам анализа современной жизни. Художественно-семантические полюса «тогда – те-

перь» придают беллетристическому повествованию публицистическую напряжённость, адекватно отражающую авторскую субъективность. Переход к формам прямой публицистики осуществляется в тех случаях, когда писателю необходимо объяснить и обосновать коренные изменения в частном бытии его героев воздействием социальных законов и причин. Публицистическое отступление в III части рассказа-очерка «Бабушка-генеральша» содержит такой социологический анализ, которым мотивируется и возводится к общим «процессам разложения» художественный конфликт произведения. Предметом публицистического анализа становится классовое и экономическое расщепление в деревне, механизмы превращения купцами и кулаками крестьян в вечных «должников», проникновение в деревню денежных отношений, психология «испуга» крестьян, находящихся под властью постоянного страха неуплаты податей и долгов, за что у каждого из них могут продать «земельку» и «последнюю скотину». В «Бабушке-генеральше» генезис «разложения» патриархального мира выявляется в социологическом анализе классовых противоречий в деревне, который и определяет сюжетную парадигму произведения. Я. В. Абрамов, «на глазах» которого «падал старый строй деревенской жизни», который видел, как под «сильным влиянием господ коммерсантов, не только разорявших деревню, но и развращавших её», утрачивались «человеческие, гуманные обычаи и привычки», «не вознаграждавшись ровно ничем», стремился способствовать «поискам... лучшего», «желанию устроить жизнь на лучших основаниях» (1, с. 162).

Характерным признаком выражения публицистического начала в прозе Я. В. Абрамова является «чужая речь». Отмеченное в отступлениях повествователя кавычками «чужое слово» представляет собой другой полюс авторской репрезентативности: положения, наблюдения, анализы, выводы первичного субъекта речи подкрепляются «общим мнением», оценками «коллективного разума», фиксируются концептами, характерными для «народного» аналитического

дискурса. Деревенские «непорядки» (3, с. 95), «закон совести», «по совести», «бумажный закон», «подай», «документики», «расписочки», «условьица», «законный процент», «нонешние времена» (7, с. 516, 517, 518) и пр. – это примеры «чужого слова», содержащего обобщенную оценку «старого строя жизни» и «процесса разложения» (7, с. 516, 517). «Долг», «науки», «мир», «приращение хозяйства», «повернуть» дела в деревне, «старички» и др. (2, с. 97, 107; 1, с. 517, 518) – это словесная маркировка иных субъектов сознания, терминология «чужой речи», как правило, оппонентов автора-повествователя из среды «народнической интеллигенции», идеологов «общины» и «почвы». Она используется в целях создания иронического контекста адресованного диалогического высказывания, подчиняющегося задачам дискредитации «идеализирования» народа и «книжных» представлений о пореформенной деревне.

Особенности идиостиля Я. В. Абрамова проявляются в своеобразных интеграциях эпико-публицистического и лирического начал. Лирическое начало не следует отождествлять с лиризмом. Речь идет о внутренней родственности публицистического и лирического (поэтического), отмечавшейся ещё В. Г. Белинским и констатируемой многими исследователями поэтики художественного синтеза. «Взаимное распознавание „принципа действия“» прозы и поэзии (13, с. 5) в произведениях Я. В. Абрамова, казалось бы, внешне весьма далёкого от лирики, активизировалось потребностями уплотнения художественного материала. Как художественное творчество, так и публицистика этого писателя отмечены особым качеством – плотностью текста, отсутствием всего того, что замедляет действие, размывает определенность авторских оценок. В усилении смысловой нагрузки не на фразу, не на синтагму, а именно на слово, проявлялось незаурядное языковое мастерство Абрамова-писателя.

В этом случае слово в прозаическом тексте, как и поэтическом, обладает предельной смысловой нагруженностью, что и обеспечивает плотность, насыщенность,

сжатость повествования при многоаспектном изображении явлений, процессов, различных граней действительности. (Это становилось основой романизации «малой прозы», и художественный язык подчинялся таким содержательным задачам.) Редкое для эпических произведений качество – наличие системы повторов (элемент поэтического стиля, поэтической культуры) свойственно стилю Я. В. Абрамова-художника. Так, повторяющееся слово «коммерсант» в процессе изображения «операций» деревенских «кулаков-грабителей» (1, с. 133, 134), функционирует в речи автора-повествователя («Господа коммерсанты»), персонажей (даже самих кулаков: «мужик... вредный: лезет не в своё дело. На нас, коммерсантов, нападет...» (2, с. 100)), подчиняясь задачам создания особого речевого жанра, в котором доминирует аналитическое начало, связанное с исследованием «печальных явлений... разорения и закабаления населения» деревенскими «капиталистами» (1, с. 159, 155), иронического стилевого контекста, форм сатирического «саморазоблачения» «эксплуататоров» (1, с. 141). В системе повторов функционируют такие концепты, как «капитал», «процент», «овечья часть», «город», «деревня», «мир», «всеобщая любовь», «старый строй жизни», «новый порядок». Такая система повторов касается и композиционных форм: имеется в виду регулярность повторения структурных единиц («очерков», «портретов», публицистических отступлений, массовых сцен), повторяющаяся «непропорциональность» определённых частей сюжета (соотношение портретов-биографий с сюжетными коллизиями), редукция одних (пейзаж), развернутость других («сцены») компонентов текста и т. д., регулярный повтор определённых аспектов содержания, характеризующих «общую неправду», и даже художественных деталей.

Мастерство художественно-социологического анализа выражалось в стремлении писателя овладеть всеобъемлющей мно-

гогранностью содержания эпохи «переворота» средствами синтеза бытописания и живописности (при отсутствии всякого рода эмоциональной избыточности), в способности эффективно использовать структурные парафразы других видов и жанров искусства (например, принцип контрапункта музыкальных сочинений в «Бабушке-генеральше» и в повести «В степи», определяемый бинарными оппозициями в персонажной системе: Степанида – Хопер, Савчук – Отченаш). Публицистическое задание в художественной прозе Я. В. Абрамова способствовало активизации тех установок автора, которые фиксируются понятием «стратегия текста».

Все структурные формы в сочетании с традиционными для публицистического стиля выразительными средствами («столкновение» высокой и просторечной лексики, разные формы стилизации, в том числе стилизации-пародирования речи «коммерсантов», фигуры умолчания, риторические вопросы, экспрессивная лексика и т. д.) создают сплав разных начал стилевого воплощения социально-бытовой проблематики в формах «сложной эстетики», исключая экстенсивность описаний и рассуждений, определяющей «плотность» текста и энергию смылосозидающей авторской мысли, которой «монополизован» художественный мир любого абрамовского произведения. Даже при стилизации, при использовании пародийного слова «авторский замысел пользуется чужим словом в направлении его собственных устремлений» (10, с. 258).

Художественный синтез в произведениях писателя открывал новые возможности для идентификации идиостиля писателя, для обогащения средств художественного анализа, способов выражения нравственно-эстетической позиции автора. Искусство синтеза было чревато неожиданными открытиями, обновляющими традиционные представления о социальных и эстетических функциях художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. В степи. – Ч. II-III // Устои. – 1882. – № 1. – С. 132-164.
2. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. В степи. – Ч. IV // Устои. – 1882. – № 3-4. – С. 46-126.
3. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. В степи. – Ч. V // Устои. – 1882. – № 5. – С. 94-177.
4. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. Ищущий правды // Отечественные записки. – 1882. – № 5. – Отд. 2. – С. 35-72.
5. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. Механик (рассказ) // Устои. – 1881. – № 1. – С. 49-77.
6. Абрамов Я. В. Неожиданная встреча (Сценка) // Устои. – 1882. – № 9-10. – С. 171-179.
7. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. Бабушка-генеральша // Отечественные записки. – 1881. – № 6. – Отд. 1. – С. 509-524.
8. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. Среди сектантов: (Из заметок) // Слово. – 1881. – Февраль. – С. 1-45.
9. Абрамов Я. В. [Федосеевец]. Корова. Очерк // Устои. – 1882. – № 6. – С. 41-62.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
11. [Бахтин М. М.] Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. – Л., 1928.
12. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1976 – 1985.
13. Минералова И. Г. Литература поисков и открытий (жанровый синтез в русской литературе рубежа XIX-XX веков). – М., 1991.
14. Плеханов Г. В. Сочинения: В 24 т. – М.; Л., 1923 – 1927.
15. Помяловский Н. Г. Сочинения: В 2 т. – М.; Л., 1965.

Об авторе

Головко Вячеслав Михайлович, ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», заведующий кафедрой истории русской и зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор. Автор 265 научных работ, в том числе 12 монографий и книг. Лауреат общероссийских и региональных литературных премий. Член Союза российских писателей.
vmgolovko@mail.ru